

Пушкин прославил наш выпуск...

Пётр Лебедев,
профессор
кафедры психологии
и педагогики
Московского
педагогического
государственного
университета

Время не гасит неослабного интереса ко всему, что связано с именем А.С. Пушкина. Особое место среди святынь, дорогих нашему народу, занимает лицей в Царском Селе. В этом очень своеобразном учебно-воспитательном заведении, открытом 19 октября 1811 года, получил образование Александр Пушкин, чьим именем названо ныне прежнее Царское Село.

Годы обучения Александра Пушкина в лицее (1811–1817) имели исключительное значение для созревания поэтического дарования и становления его личности.

Царскосельский лицей по замыслу выдающегося государственного деятеля М.М. Сперанского должен был стать местом для воспитания избранной части российской дворянской молодёжи. Не узкую специализацию, а самое широкое общее образование для будущих государственных деятелей должен был давать своим воспитанникам этот лицей. Избранность по одарённости и нравственности в сочетании с высшим общим образованием — две главные мысли Сперанского легли в основу «Постановления о Царскосельском Лицее» от 12 августа 1810 года. Им определялись цель и весь порядок шестилетнего лицейского обучения, его содержание и методы.

Местоположение лицея во флигеле императорского загородного дворца, роскошь его внутреннего убранства гармонировали с красотой дворцовых парков и садов. В нём созданы были бытовые условия, близкие к домашним. Гувернёры, слуги, отдельные спальни и весь распорядок жизни лицейстов (утренние и вечерние молитвы, длительные прогулки, посещения родных по праздникам и воскресеньям и др.) помогали воспитанникам довольно безболезненно пережить переход из домашней жизни в среду государственного закрытого заведения. И тем не менее вживание подростков в общественные условия жизни проходило не столь безоблачно.

При первом директоре лицея Василии Фёдоровиче Малиновском (1811–1814) размеренная жизнь лицея удручала некоторых воспитанников. Уроки, прогулки, чтение журналов и книг, дозволенных министром просвещения А.К. Разумовским, вызывали скуку у лицеиста князя А. Горчакова. «...Здесь почти не происходит никаких перемен, — писал он 22 декабря 1811 года (спустя два месяца после открытия лицея) своему двоюродному дяде, дипломату А.Н. Пешурову. — Слово хорошо налаженная машина, которая всегда идёт своим ходом, не останавливаясь. Исключением является новая милость, оказанная Его Величеством своим детям, как он нас называет. Он отдал нам в подарок библиотеку, которая была у него в молодости... У нас отняли все бывшие у нас книги, с тем чтобы вернуть их нам, когда мы будем старше, и во время праздников и по воскресеньям, не имея чем заняться, мы чрезвычайно скучаем...» (1; 176).

Впрочем, уже через год Горчаков сообщал дяде, с которым переписывался до конца 1816 года, что начинает свыкаться со своим образом жизни: «...он укрепляет моё здоровье. Мы гуляем два раза в день пешком, встаём мы в 6 часов...» (Там же; 177).

Горчаков был годом старше Пушкина. В лицей прибыл вместе с двумя своими товарищами по С.-Петербургской гимназии — А. Илличевским и самым старшим по возрасту из всех лицеистов — пятнадцатилетним В. Малиновским.

А ведь в «Постановлении о Царскосельском Лицее» возраст поступающих ограничивался 10–12 годами. Однако это требование не было соблюдено. Среди принятых в лицей едва ли не половина оказались тринадцатилетними. Кюхельбекеру — 14 лет, десятилетних — только двое: Данзас и Корнилов. С последним в день открытия лицея произошёл забавный случай за праздничным обедом. Императрица спросила на русском языке: «Хорош ли обед?» Корнилов ответил ей: «Да, м'сё». Раздался общий смех. С этого дня за ним закрепилась кличка «Мусьё».

Вопреки лицейским правилам поведения, запрещавшим воспитанникам давать друг другу прозвища, почти все лицеисты имели клички, а некоторые даже несколько. Пушкин, например, за своё пристрастие к французской литературе и за «парижское» произношение с первого дня пребывания в лицее именовался «Французом», а позже к этому прибавилось другое прозвище: «смесь обезьяны с тигром». К небезобидным кличкам вроде «Глиста», «Паяц», «Смола», «Дьячок-Мордан» и т.п., отражавшим какую-нибудь внешнюю или нравственную черту лицеиста, присоединялись и ласковые прозвища: Вольховского, например, прозвали «Суворочка», он же «Мудрец».

Правила поведения предписывали воспитанникам не кичиться своими происхождением и титулами. Из первого выпуска в 30 человек имелось всего лишь пять титулованных: князь Горчаков, граф Броглио, барон Дельви́г, барон Гревениц и барон Корф. Горчаков держался ровно, корректно со всеми. Был преусневающим в учении. Лицеисты его больше уважали, чем любили. Он был единственным, кого сокурсники не одарили кличкой или прозвищем. Его обходительность вызывала восхищение даже у Антона Дельвига, флегматичного остроумца. Кроме этих пятерых, остальные происходили из обедневших, хотя и знатных родов российского дворянства. И в лицей родители отправляли их не столько потому, что это было единственное в то время привилегированное заведение, сколько потому, что здесь за всё время обучения не надо было ни копейки платить. Содержание (одежда, обувь, учебники), питание, уход (гувернёры, слуги, лекарь) и многое другое оплачивалось из государственной казны. Преимуществом было и то, что лицей за шесть лет давал последовательно гимназическое и приравненное к университетскому общее образование. Он открывал дорогу к важным должностям государственной службы по Министерству иностранных дел, внутренних дел, финансов и др.

Лицеем ведал сам министр просвещения Алексей Кириллович Разумовский. Граф ревностно исполнял эту обязанность, дотошно вникал во все мелочи лицейской жизни. Предписания министра касались не только правил поведения воспитанников, поощрения лучших и наказания провинившихся, но и чисто бытовых мелочей, например, какой должна быть температура в классных и спальнях помещениях. От директора он требовал еженедельных донесений о состоянии учебной и нравственной жизни всего персонала.

Чтобы смягчить однообразие учебно-воспитательной обстановки лицея, надзиратель по учебной и нравственной части М.С. Пилецкий предложил воспитанникам в конце осени 1811 года создать литературное общество. Он подметил, что некоторые лицеисты сочиняют стихи, распевают сообща сочинённые куплеты, порой далеко небезобидные для преподавателей и воспитанников, хотя и шуточные. Лучшие из сочинений в прозе или стихах надзиратель советовал помещать в рукописные сборники. Затея пришлась по вкусу многим воспитанникам. Кое-кто из них и прежде «рифмовал» эпиграммы, басни и хорошо рифмовал. А. Илличевский ещё гимназистом, до прихода в лицей, увлекался баснями И.А. Крылова и сам пробовал что-то сочинять. Он-то и стал едва ли не первым заводилой литературных потех. Без его рисунков и стихов, шаржей на преподавателей и своих товарищей не об-

А.М. Горчаков

И.И. Пушкин

ходилась ни один из лицейских журналов, пока начальство не осознало, что эта потеха мешает учению, — и запретило впредь выпускать журналы-сборники.

Но до этого запрета графу Разумовскому и директору Малиновскому пришлось пережить два неприятных события. Первое случилось с гувернёром А.Н. Иконниковым, очень любимым воспитанниками. Он вместе с лицеистами сочинял даже спектакли и режиссировал их. На одном из спектаклей гувернёр не в меру принял «гофмановых капель». Надзиратель Пилецкий по должности доложил кому следует. Иконникова уволили. Однако литературное лицейское общество продолжало уволенного гувернёра — собрата по перу — считать своим действительным членом, хотя сам Иконников скромно подписывал свои послания так: «Бывший гувернёр, член-корреспондент Общества литераторов-лиценстов».

Другое событие потрясло руководство неслыханной дерзостью всех объединившихся в общем порыве лицестов. Оно было вызвано тем, что надзиратель по учебной и нравственной части лицея непочтительно отозвался о родственнице одного из воспитанников во время встречи в воскресный день. Такие встречи с родителями или родственниками разрешены были только в праздничные и воскресные дни. И только в самом лицее. Воспитанникам же правилами интерната в течение шести лет, то есть всего времени обучения, не дозволялось навещать семью или кого-либо из родственников. Это «заточенье» многими лицеистами тяжело переносилось. Обидное выражение Пилецкого вызвало бурю негодования. Даже всегда спокойный и рассудительный князь Горчаков присоединился к лицеистам, собравшимся в актовом зале. Они потребовали, чтобы надзиратель принёс им извинения или все они покинут лицей. Надзиратель М.С. Пилецкий спокойно выслушал требование воспитанников и отчётливо ответил: «Оставайтесь, господа, в лицее. Я покину его сегодня же». М.С. Пилецкий ушёл из лицея. А. Пушкин в своих автобиографических заметках отметил этот факт так: «Мы изгоняем Пилецкого».

В.Ф. Малиновский тяжело пережил бунт своих воспитанников, однако не стал защищать своего первого надзирателя. Граф Разумовский больше всего опасался того, как бы это «изгнание» не дошло до императора в слишком трагическом свете, и постарался затушевать его в глазах влиятельных родственников лиценстов, а в докладе Его императорскому Величеству приписал всё неосторожно выскользящему слову надзирателя. Александр I после доклада своего министра посчитал случившееся проказой юнцов. На этом всё и окончилось. Шёл 1813 год. У императора были другие заботы, более важные и серьёзные, чем «детские шалости». Российская армия громила французские войска. Наполеон еле унёс ноги из Москвы...

«Неровная и резвая семья», по выражению А. Пушкина, с самого начала существования лицея была во всех отношениях неровной — в поведении, учении, в отношениях друг к другу, интересах и увлечениях. Разница в возрасте — с 10 до 15 лет, различия в знаниях и склонностях, привычках — это и многое другое в первые месяцы и много позже разделяло три десятка воспитанников на небольшие группы. Самая шумная и, пожалуй, буйная теснилась к Александру Пушкину, Антону Дельвику, Василию Малиновскому, Ивану Пушину. Исподволь Пушкин менял свой изысканно французский поэтический вкус на чисто русский. Уже в первый год учения куплет «национальной песни» довольно верно, хотя насмешливо, коснулся этой перемены:

А наш Француз
Свой хвалит вкус
И матерщину порет...

Позже живая поэзия Батюшкова вдруг открылась Пушкину изящной формой и простотой слога. Отечественная война 1812–1814 гг., её трагизм и размах взбудоражили чувства и мысли юного поэта. Он писал стихи везде и всегда: на уроках и в лазарете, по дороге на молитву и на прогулках, ночью и днём.

А.А. Дельвиг

Ф.Ф. Матюшкин

В конце марта 1814 года умер В.Ф. Малиновский. Министр просвещения не торопился назначать нового директора лицея. И поручил временно исполнять эту должность преподавателю российской словесности и латыни, профессору Н.Ф. Кошанскому. Однако через два месяца тот заболел, и надолго. Тогда Разумовский решил, что исполнять директорскую должность будут преподаватели лицея члены Конференции поочередно. Так, директорскую должность после Кошанского исполняли Ф.М. Гауэншильд, инспектор С.С. Фролов... Каждый из временных директоров вносил что-то своё в правление лицеем. Возникло почти двухгодичное «междоцарствие» или, по выражению Пушкина, «время анархии», а по словарю Кюхельбекера — «Лицейская республика».

В письмах А. Горчакова дядюшке упомянуты важнейшие события лицея, которые так или иначе коснулись остальных воспитанников. Например, его скорбь о директоре лицея Малиновском, радость по поводу взятия Парижа, переживания в связи с частой сменой временных директоров лицея и ожиданием нового директора. В последнем случае он сдержан и даже переходит на эзопов язык: «Вы хотите знать нечто о нашем лицее. Вот мой ответ: «Вы знаете басню о мушкетерах, просящих царя; после тихого, смиренного... коим они не были довольны, в наказание дана была им голодная водяная змея. — Дорогого доброго почтенного Малиновского, которого не постыжусь назвать перед целым светом благодетелем моим, не стало и теперь, увы... Однако блестит для нас в отдалении луч надежды...» (1; 179).

Не все лицеисты, подобно Горчакову, благоговели перед личностью Малиновского. Например, М. Корф невысоко ценил его административные и педагогические способности. Да и А. Илличевский в своих сатирах не всегда почтительно оценивал доброго директора и отца большого семейства, один из сыновей которого учился в лицее. Остроты А. Дельвига не обходили личности Малиновского, который своей внешностью и невнятность речи

не производил яркого впечатления. Сочинялись «национальные песни» — это своеобразная общественная летопись лицея. Никто уже не помнил, когда и кто сочинил первый куплет. Но лицеисты частенько творили их сообща, а затем распевали на мотив песни «Русский воин», написанной В.А. Жуковским.

Впрочем, лицейская хроника имела и более серьёзные мишени. Особенную неприязнь и даже ненависть у лицеистов вызывали профессор немецкой словесности Гауэншильд и надзиратель, подполковник в отставке Фролов. Куплеты «национальных песен» особенно едко высмеивали их. Профессор отличался, в частности, тем, что, совершенно не зная русского языка, преподавал немецкий язык и словесность на французском. Никаких научных трудов у Гауэншильда не имелось. В лицей он попал случайно — по протекции С.С. Уварова и А.К. Разумовского.

Разумовский наконец-то подыскал постоянного директора лицея. Им стал Е.А. Энгельгардт. Однако лишь в марте 1816 года тот с семьёй поселился в Царском Селе и занялся делами лицея. А они пришли в расстройство как по учебной, так и по нравственной части. До этого с января 1816 года он присматривался к воспитанникам, изучал их успехи в учении и поведении по журнальным записям преподавателей, характеристики губернаторов — словом, всё, что помогло бы ему понять дух лицея в целом и нравственно-образовательный облик каждого лицеиста.

Искусному администратору, бывшему директору С.-Петербургского педагогического института, шёл пятьдесят первый год. В лицее ровня ему был только профессор французской словесности де Будри. Остальные профессора лицея были моложе его почти на двадцать лет.

Энгельгардт попытался разрушить стену отчуждения между административно-преподавательским составом и воспитанниками. Для этого, в частности, открыл свой семей-

Группа лицейских профессоров и служащих. Карикатура А. Илличевского в журнале «Лицейский мудрец»

ный дом для лицейстов. Они могли приходиться к нему во внеучебное время для бесед за чашкой чая, для чтения своих и не своих произведений. Директор лицея стремился к тому, чтобы создать хотя бы видимость семейного тепла, уюта, представляя себя в роли отца лицейской семьи. В гости в его дом заходили и местные жительницы. В их числе была и молодая миловидная вдова Мария Смит. Влюбчивый Александр Пушкин написал ей послание в стихах — «К молодой вдове». Однако Мария передала письма Энгельгардту и никак не ответила юноше. Директор ещё раньше, из отзывов профессоров и гувернёров, составил далеко не лестное мнение о поэте. А это послание, попавшее в его руки, укрепило его в мнении других наставников о личности Пушкина: «французский ум».

Всё это никак не способствовало сближению директора и ершистого поэта, чьи самолюбие и гордость резко обозначились после публичного экзамена по русской словесности в начале января 1815 года, когда сам Г.Р. Державин прочувствованно слушал его стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Пушкин написал его для экзамена по российской словесности не без подражания маститому поэту.

Напечатанные ранее стихотворения в журнале «Вестник Европы» вместе с поздравлениями и похвалами Г.Р. Державина укрепили среди лицейстов мнение об Александре Пушкине как о талантливом поэте. А появление в лицее К.Н. Батюшкова, В.А. Жуковского, Н.М. Карамзина и их лестные отзывы о поэзии Пушкина удивили даже таких признанных скептиков, как А. Горчаков и М. Корф. Кстати, много позже Корф окажется одним из немногих сановников, выпускников лицея, которые соберутся на обед 19 октября 1870 года и решат создать Комитет от первого выпуска с целью сооружения памятника Пушкину в Москве. Сама мысль о памятнике Пушкину была высказана Корфом и горячо поддержана адмиралом Ф.Ф. Матюшкиным. И только горделивый дипломат, канцлер Горчаков, по какой-то неизвестной причине отказался быть членом этого Комитета и уклонился от обсуждения самой идеи.

Различные таланты проявляли многие лицейсты. Их литературные увлечения, музыкальные импровизации на скрипке (даже Кюхельбекер, плохо слышавший на одно ухо, пытался брать уроки игры) или гитаре почти не прекращались до начала 1817 года, когда начались подготовительные проверки к выпускному публичному экзамену. Впрочем, Кюхельбекеру лучше, чем музыка, удавались уроки греческого языка, изучавшиеся им сверх программы, частным образом. Он затеял это, чтобы читать античную литературу в подлиннике.

Горчаков, давно уже избравший карьеру дипломата, — не без содействия своего двоюродного дяди, сверх лицейской программы усердно изучал английский, итальянский языки. Они не преподавались в лицее. Но даже и преподаваемая здесь латынь, многими воспитанниками не очень любимая, не удовлетворяла князя. Он хотел углубить свои знания в латинском языке и искал способов практиковаться в нём. С приходом в лицей Е.А. Энгельгардта Горчаков в его лице нашёл своего покровителя на пути к «дипломатике». Директор предложил всем, кто стремился к дипломатической службе, любую помощь вне учебных занятий. В своё время Энгельгардт служил в Коллегии иностранных дел, владел английским, немецким, латинским языками. К тому же он знал высший свет. Ведение журнала, составление депеш, изготовление конвертов без ножниц и многие другие мелочи охотно выполнял Горчаков, полагая, что и они могут ему пригодиться.

Многие лицейсты отзывались на почти отцовскую заботу нового директора и охотно делились с ним мечтами о своей будущей карьере. Кроме Горчакова, открывшегося Энгельгардту, поведал свою сокровенную мечту стать мореплавателем Матюшкин. После окончания лицея Энгельгардт оказал ему в этом содействие, помог определиться на корабль. Впоследствии Матюшкин стал известным адмиралом Российского флота и всю

Карикатура
А. Иллчевского
на В. Кюхельбекера
в журнале
«Лицейский мудрец»

свою жизнь поддерживал сердечную переписку с Энгельгардтом. Другой лицеист, Вольховский, первый по успехам лицеист, не скрывал свою мечту стать военным, так как в его роду все были ими. Свою кличку «Суворочка» он получил за постоянные упражнения в силе и выносливости. Только Вольховский преуспевал на уроках по высшей математике. Даже Горчаков, соперничавший с ним, уступал здесь, хотя при выпуске оба получили золотые медали: Вольховский большую, а Горчаков — малую. Вольховский по успехам шёл первым в списке лицеистов. И это воспето в «Национальной песне»:

Покровительством Минервы
Пусть Вольховский будет первым.
Мы ж нули, нули, нули.
Ай люли, люли, люли...

В 1812–1814 гг. у воспитанников лицея возрос интерес к русской истории, словесности, русскому языку. Некоторые из лицеистов сначала плохо знали русский язык. Патриотический настрой после событий 1812 года перевернул это положение. Отныне всё свободное время воспитанники занимались русским, чтобы свободно читать русские книги. Кюхельбекер предпринял целое исследование по русской литературе. Илличевский собрал много описаний великих русских людей и решил ими дополнить книгу Плутарха для юношества. А Пушкин затеял написать комедию в стихах «Философ», о чём А. Илличевский сообщал в переписке своему гимназическому другу.

Но Франция всё же царила в умах лицеистов. С возвращением оттуда в окрестности Царского Села гусарских полков в 1814 году у юношей даже появились некоторые гусарские повадки: вино, карты, увлечения молоденькими горничными и актрисами из домашнего театра местного вельможи графа Толстого. Рассказы гусаров о Франции будоражили умы лицеистов, подготовленные уроками по естественному праву и книгами Руссо, заставляли их по-новому взглянуть на жизнь, на политическое устройство страны.

Литература

1. Лицейские письма Горчакова А.М. 1812–1816. Красный архив. Т. 6. М., 1936.
2. Из дневника барона Корфа М.А. Русская старина. СПб., 1904.
3. Пушкин И.И. Записки о Пушкине. М., 1988.
4. Постановление о Царском Лицее: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. СПб., 1875. Т. I. С. 632–637.

В своих воспоминаниях и дневниках барон М. Корф критически описывал очень многое из того, что переживал первый выпуск Царкосельского лицея. Размышляя о том, почему их выпуск принёс лицею славу, он высказал предположение, что многие воспитанники мало учились в классах и много за пределами классов — в общении между собой, в чтении по самостоятельному почину, в беседах с профессорами, во внеучебное время. Вот эта-то малозаметная самообразовательная работа и стала одним из источников успеха таких лицеистов, как Вольховский, Матюшкин, Горчаков, Кюхельбекер, сам Корф, получивший орден Андрея Первозванного и графский титул. «Словарь» Кюхельбекера, куда он записывал заветные мысли из

прочитанных на русском, французском и немецком языках произведений, был известен всем и даже воспет Пушкиным. А что в поэзии? Дельвиг, Корсаков и Яковлев оставили о себе память романами. И конечно, гордостью Царкосельского лицея стал А. Пушкин. Он нашёл себя в созвездии лицейских поэтов Илличевского, Дельвига, Яковлева и других, которых Горчаков пренебрежительно называл рифмачами. Но эти рифмачи и составили ту среду, без которой поэтическое дарование Пушкина могло бы и не развиваться.

В.Д. Вольховский